

Украинский выбор: 30 лет спустя

А.А. МИГРАНЯН, доктор экономических наук
E-mail: a.mihrayan20@gmail.com; SPIN-код: 9433–7609
ORCID: 0000–0001–6014–5955
Институт экономики РАН, Москва

Аннотация. В статье исследуются проблема социокультурного самоопределения Украины, идеологических и политических особенностей формирования украинской внешней стратегии, а также экономические процессы, характер развития и специфика экономической модели страны. Дана оценка эффектов евроинтеграции, итоги влияния реформ после 2014 г., экономических циклов и модели экономики, сформированной в условиях нестабильности внешних рынков и геополитической конфронтации с бывшими торговыми партнёрами.

Ключевые слова: украинская идентичность; социокультурные подходы; евроинтеграция; специфика украинской экономики; экономические реформы

Украинский опыт тридцати лет суверенного статуса вызывает огромный интерес не только в национальной и российской научной и экспертной среде, но и в мировой политике в силу ярко выраженных радикальных перемен, интенсивности проявлений социокультурной, политической и институциональной специфики, скорости и характера трансформации экономической системы, а также влияния этих процессов на геополитическую ситуацию и экономическую конкуренцию в мире.

Несмотря на высококонкурентные стартовые позиции по обеспеченности природными ресурсами, по уровню развития экономического потенциала (особенно промышленного сектора), качества жизни населения и квалификации трудовых ресурсов, спустя 30 лет после обретения независимости Украина единственная из всех стран евразийского пространства не сумела восстановить свой экономический потенциал хотя бы до параметров союзного периода [Мигранян, 2017]. Нестабильность политической системы и низкая эффективность государственных институтов также не прибавили ей политического веса в мировом табеле о рангах, более того, привели к дефрагментации страны и превратили ее в центр геополитической конфронтации основных акторов мировой политики [Симония, Торкунов, 2014].

Нерешенность проблем социокультурного, религиозного, политического и экономического характера формируют здесь

условия системного кризиса с его крайними проявлениями (военным конфликтом внутри страны) [Мироненко, 2021]. На международной арене украинский кризис стал триггером геополитического противостояния России и коллективного Запада, фактором, определяющим риски и турбулентность международных отношений, военно-политическую и экономическую безопасность в регионе [Симония, Торкунов, 2016].

Исследование проблем, связанных с украинским кризисом и его влиянием на международные отношения, прогнозы развития ситуации, составляют большой пласт российской науки и экспертной аналитики. Изучению генезиса украинского кризиса как фактора геополитической конфронтации между Россией и коллективным Западом посвящены работы Ф. А. Лукьянова, С. А. Караганова, А. М. Бусыгина, В. В. Кочеткова, В. Е. Морозова, Н. Л. Прохоренко, Г. Г. Салихова, И. С. Семененко, В. С. Степина, В. Чернеги, Б. А. Шмелева, А. В. Гущина, А. А. Сущенцова, Н. Ю. Силаева и др., экономическим аспектам больше внимания уделено в трудах А. В. Торкунова, С. Ю. Глазьева, А. А. Дынкина, А. В. Кузнецова, Л. Б. Вардомского, В. Ю. Винокурова, Л. С. Косиковой, Ю. Д. Квашина, Н. А. Симонии, Л. М. Григорьева, И. П. Булеева, Н. Е. Брюховецкой, А. Чухно, В. Геца, А. Амоши, Н. Кизимы и др.

Аналитики разных стран сходятся в оценке значимости и степени влияния украинского кризиса на мировую политику. Особый интерес вызывает практикуемый в стране подход преодоления экономического кризиса – за счет внешних ресурсов (преимущественно российских) и использования геополитических факторов и инструментов, а не стимулирования рыночной экономики и честной конкуренции. Он формирует новую архитектуру международных отношений, которая строится на основе санкционных ограничений и жесткой конкуренции, балансирующей на грани военного конфликта [Вардомский, 2018]. При этом внутривосточная повестка Украины выстраивается без учета проблем низкого уровня экономического развития, необходимости поддержки качества и уровня жизни населения, реформирования политической и институциональной структуры государства. В приоритете – рост валовых показателей и ситуационная политика встраивания страны в формат МВФ, ориентированная на постоянную финансовую помощь [Грицаенко, 2014].

Проблемы «украинской идентичности» и социокультурной разобщенности

Истоки внутривосточной нестабильности Украины были заложены крайне противоречивым процессом формирования национальной идентичности, сущностные основы которой до сих пор не имеют научного и идеологического обоснования. С одной стороны, «украинство» определяется как безусловная европеизация, опирающаяся на стремление элит интегрироваться в европейское пространство, с другой – как некий базовый этнос, конкурирующий с русским цивилизационным концептом, с третьей – как последовательное развитие русского мира со своей специфической идентичностью [Кондорский, 2021].

Противоречивость и незавершенность процесса идеологического обоснования украинской идентичности, сопровождаемого агрессивной политикой героизации «борцов за независимость» с нацистским прошлым, приводит к крайней форме противостояния в украинском социуме, вплоть до вооруженных столкновений. В результате формирование единого этноса существенно осложняется, критерии «украинства» еще более размываются, а социокультурный разрыв в украинском обществе усиливается. Такой подход приводит к подмене понятия единого этноса национализмом, что неприемлемо для страны со столь пестрой палитрой этнического состава (в стране проживают представители более 130 национальностей).

С момента приобретения независимости в 1990-е годы формирование украинской идентичности было направлено на создание националистического государства, посредством жесткого подавления этнического и культурного разнообразия, в полном соответствии с принципами Н. Михновского, В. Липинского, Д. Донцова, М. Грушевского, С. Петлюры, В. Винниченко, П. Скоропадского и М. Драгоманова [Хаген, 2000; Motyl, 1985]. Доминирование национализма во внутренней политике Украины не позволяет в полной мере укоренить единое социокультурное, этническое и мировоззренческое понимание «украинской идентичности» и использовать ее для укрепления государственности.

Противопоставление мировоззренческих подходов, ментальности разных групп населения, проживающих в разных регионах страны (запад – восток – центр – юг – север и т.п.) приводит

к социокультурному разрыву между регионами, не позволяет интегрироваться населению, а попытки элит преодолеть эту разобщенность путем насаждения национализма лишь усиливают тенденции регионализма.

Противоречивость понимания «украинской идентичности» обусловлена не только различиями культурно-цивилизационного восприятия «украинства» на западе и востоке страны¹, но и политическими концептами – выбором вектора экономического развития страны между «европеизацией» и «консервацией» [Кынев, 2005]. При этом именно политика сохранения социокультурных и ментальных противоречий позволяет оправдывать продавливание жесткого национализма как единственно возможного инструмента сохранения целостности страны и ее «украинизации»².

Она же породила систему олигархическо-кланового противостояния элит, бизнес-интересы которых и борьба за доступ к наиболее выгодным активам формировали экономическую политику страны с самого начала рыночных реформ. В итоге к 2000 г. в стране сложилась система экономических отношений, построенная на постоянной борьбе за обладание административным ресурсом (властью), обеспечивающим доступ к ресурсам экономическим.

Опора на социокультурные и этнолингвистические противоречия, агрессивная националистическая политика, кланово-олигархический характер экономических отношений стали основными причинами радикализации политической борьбы внутри Украины [Кынев, 2005] и привели к ряду системных, экономических и военно-политических кризисов в стране. В результате последнего из них (2014 г.) произошли преобразования, которые коренным образом изменили политическую систему, структуру и характер экономики, государственные институты, превратив националистическую идеологию в основу украинской государственности³.

¹ *Миллер А.* Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки: виртуальный журнал [Эл. ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=140d>

² *Галкин Д., Лейбин В.* Украинская элита почти разломала страну // 2000 (Украина). 2012. 22–28 июня. URL: http://www.2000.ua/v-nomere/forum/mnenie/vitalij-lejbin-ukrainskaja-elita-pochti-razlomala-stranu_arhiv_art.htm

³ Там же.

Внешнеполитический курс Украины

С первых дней получения суверенитета внешняя политика Украины отличалась стремлением максимально дистанцироваться от России и сотрудничества с ней. Особенно декларировалась этнолингвистическая, социокультурная и военно-политическая независимость. К 2014 г. это переросло в откровенное противопоставление себя РФ, и форматирование Украины как «анти-России» с абсолютно враждебной риторикой по отношению не только к РФ, но и ко всему русскому миру, русской культуре и славянской цивилизации [Жильцов, 2021].

Первый законодательный акт независимой Украины в июле 1990 г. «Декларация о государственном суверенитете» провозгласил внеблоковый военный статус страны без ядерного оружия, политику нейтралитета и открытости (многовекторного сотрудничества со всеми государствами)⁴. Однако уже в 1991 г. начались активные контакты руководства страны с НАТО, которые на сегодняшний день абсолютизировались до настойчивого желания Украины полноценного членства в данном военном блоке. В 1992 г. были подписаны первые соглашения с блоком и Советом евро-атлантического партнерства, в 1994 г. началось полномасштабное участие в программе «Партнерство ради мира», в 1997 г. подписана «Хартия об особом партнёрстве НАТО и Украины» с целью начала подготовки к вступлению в военный блок, в 2002 г. началась военная реформа под стандарты НАТО в соответствии с «Планом действий НАТО-Украина», в 2004 г. было объявлено о всеобъемлющем тесном сотрудничестве и взаимодействии с североатлантическим альянсом и ЕС как «гарантами безопасности и стабильности»⁵.

Далее происходила практическая реализация намерений Украины вступления в военный блок: в 2005 г. стартовала программа «Интенсивный диалог», в 2009 г. приняты дополнения к Хартии об особом партнерстве, с 2013 г. Украина участвует в операциях НАТО (первая из них «Океанский щит» по борьбе с пиратами, а в 2021 г. уже в трех операциях: Sea Breeze, «Три меча – 2021»

⁴ Официальный сайт ВР Украины. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/55-12>

⁵ Официальный сайт Министерства обороны Украины. URL: <http://www.mil.gov.ua/diyalnist/mizhnarodne-spivrobitnicztvo/prioriteti-spivrobitnicztva-ukraini-z-nato>; Официальный сайт НАТО. URL: <http://web.archive.org/web/20070411113805/http://www.nato.int/issues/nato-ukraine/topic.html#evolution>

и «Объединенные усилия – 2021»⁶). В 2014 г. законодательно утвержден официальный отказ от внеблокового статуса, принятая в 2015 г. «Военная доктрина» фактически утвердила план действий по приведению вооруженных сил Украины в полное соответствие со стандартами НАТО, что фактически было осуществлено к 2020 г. В 2018 г. ратифицированы изменения Конституции Украины, провозгласившие стремление в НАТО как официальный курс, в 2019 г. получен статус партнера альянса с расширенными возможностями [Семенов, 2021]. В 2021 г. после очередного обострения российско-украинских взаимоотношений РФ выдвинула требование о невхождении Украины в НАТО в качестве основного условия сохранения нормальных отношений в рамках дипломатического взаимодействия как со странами НАТО, так и сохранения окна возможностей сотрудничества с Украиной. Очевидно, это требование будет проигнорировано, что позволяет прогнозировать ухудшение отношений со странами блока.

Одновременно с углублением военного и политического взаимодействия с североатлантическим альянсом Украина вела политику экономического, правового интегрирования с Европейским союзом – сначала по программе «Восточного партнерства», а затем и в рамках ассоциированного членства с ЕС. Явно выраженный тренд европеизации всей институциональной (особенно правовой) системы и дистанцирования от сотрудничества с СНГ и Россией до 2004 г. проявлялся в первую очередь в военно-политической, правовой, гуманитарной, цивилизационной сферах.

В экономическом сегменте внешняя политика концентрировалась на формировании либеральных институтов рыночного хозяйствования и на балансировании между европейским и российским векторами торгово-экономического взаимодействия с целью максимизации экономических выгод. Это до определенного времени позволяло сохранять экономическую систему страны в дееспособном состоянии за счет постоянного торга и получения от партнеров дополнительных бонусов и финансовых вливаний. Преференциальные условия торговли, сохранение кооперационных связей с Россией, низкие цены на энергоносители и т.д. позволяли поддерживать мощный промышленный

⁶ SHAPE/ NATO EXERCISES. URL: <https://shape.nato.int/nato-exercises>

сектор. Бонус от ЕС – новые рынки сбыта для сырьевых продуктов сельского хозяйства и металлов, технологии и инвестиции [Григорьев и др., 2014].

Отношения со странами СНГ трудно назвать полноценными. Украина по сей день не имеет юридического статуса оформленного членства в СНГ, хотя де-факто до 2014 г. она активно участвовала в ее работе, пользуясь привилегиями члена Содружества (особенно соглашением о Зоне свободной торговли, что делает и сейчас). На данный момент она объявила о своем выходе, что также не было юридически оформлено. Такая политика позволяла Украине пользоваться преимуществами двухвекторного экономического сотрудничества: восточные соседи рассматривались ею в качестве донора, источника компенсации низкой конкурентоспособности собственной экономики, на западном направлении сотрудничество со странами СНГ (преимущественно с РФ, особенно в газотранспортном сегменте) использовалось как инструмент торга для получения лучших условий членства (ассоциированного партнерства) в ЕС [Кутафин, 2014].

Политика балансирования между западным и восточным направлениями торгово-экономического сотрудничества позволила Украине одновременно вести подготовку к интеграции с ЕС, мотивируя это необходимостью экономического развития, внедрения новых технологий и модернизации промышленного сектора, и обеспечивать преференциальные условия во взаимоотношениях со странами СНГ, получая рынок сбыта и доступные ресурсы. Цикличность сближения с западным и восточным векторами зависела от политических предпочтений руководства страны и отчасти – позиции России. Так, в 2008 г. сложные переговоры с Россией по газовому контракту использовались украинскими властями как предмет торга с ЕС для получения инвестиций и дополнительных преференций при подписании ассоциативного соглашения.

Ухудшение отношений с Россией началось в 2004 г. после того, как В. Ющенко назвал основным приоритетом курс на евроинтеграцию и вхождение в НАТО. На президентство Ющенко приходятся первые газовые конфликты, введение квот и тарифных ограничений взаимной торговли, разрыв кооперационных связей промышленных предприятий, агрессивная националистическая политика внутри страны. С приходом к власти

В. Януковича наблюдался возврат к двухвекторной политике балансирования и некоторое потепление отношений с Россией (договор по Черноморскому флоту в обмен на снижение цен на газ, получение финансовой помощи и т.п.).

При этом в части поставок газа на Украину и обеспечения его бесперебойного транзита в ЕС оставался ряд противоречий, что поддерживало высокий уровень напряженности в российско-украинских отношениях. Последним аккордом политики торгога стали подписание соглашения о предоставлении Украине российского кредита на 15 млрд долл. (из них были выданы 3 млрд) и попытка отсрочить подписание соглашения с ЕС по ассоциативному членству Украины [Григорьев и др., 2009].

Противоречивость внутренней и внешней политики, пренебрежение внутренними экономическими проблемами, неэффективность государственных институтов, социокультурная разобщенность, столкновение кланово-олигархических бизнес-интересов привели к насильственной смене власти в 2014 г. Во главе страны встали силы, полностью переориентировавшие Украину на западный вектор сотрудничества, культивирующие агрессивную враждебность по отношению к России, не допускающие инакомыслия в вопросах «украинства», любой альтернативе противопоставляющие воинствующий национализм. Жесткость националистической политики вкупе с экономическим кризисом обострили противоречия в украинском социуме, что привело к протестам в восточной части страны и впоследствии к ее дефрагментации (выход Крыма из состава Украины, самопровозглашение ДНР И ЛНР) и военному противостоянию, не решенному по сей день.

Подписанные в феврале 2015 г. после военного поражения украинских вооруженных сил в Дебальцево «Минские соглашения» фактически законсервировали военный конфликт между Киевом и непокорными республиками. Участие в подписании документа нормандской четверки (России, Германии, Франции и собственно Украины) подтвердил факт международного статуса данного конфликта и его влияния на мировую политику. Вовлеченность РФ в минский переговорный процесс стала трактоваться на Западе как ее участие в самом конфликте, что активно используется Киевом для усиления антироссийской риторики

и продвижения националистической политики по отношению к русскому миру.

Сами «Минские соглашения» стали постоянной мишенью для критики, в том числе их подписантами. Они предполагают полную амнистию со стороны Киева, создание условий для проведения выборов в мятежных республиках и их последующей интеграции в политическую и институциональную системы Украины (с сохранением автономности в вопросах языка, национальной самоидентификации, свобод, выбора партнеров и т.п.), и затем – передачу государственной границы с РФ под контроль центральным властям. То есть по факту это план поэтапной федерализации Украины (или, как минимум, определения высокого уровня автономии восточных регионов).

Киевские власти интерпретируют эти соглашения иначе: в первую очередь – возвращение контроля над границей с целью обеспечения территориальной целостности, и лишь затем – начало политических процессов по формированию всех уровней власти на восточных территориях, также под контролем Киева.

Очевидно, что противоречивая трактовка подпитывается внешними игроками, так как сам формат конфликта и «Минских соглашений» включает не только государственные интересы Украины и вопросы автономии ЛДНР (особенно в вопросах национальной самоидентификации), но еще и жесткое цивилизационное противостояние между современным форматом Украины как «анти-России» и Россией. Способ разрешения этого конфликта напрямую затрагивает интересы коллективного Запада в геополитической конкуренции с РФ, а конечное самоопределение Украины, ее статус, формат, государственное устройство и национальная политика рассматриваются как ее итог.

Таким образом, внешнеполитические ориентиры Украины спустя 30 лет ее суверенитета стали инструментом глобального геополитического противостояния. Основные усилия Киева направлены на сохранение украинской государственности вне российского влияния. При этом потери человеческих ресурсов, качества жизни населения и конкурентоспособности экономики, чему способствует внутренняя политика украинских властей, в большой геополитической игре не имеют значения.

Политика евроинтеграции: эффекты, достижения и риски

С момента обретения суверенитета и по настоящее время на Украине происходило последовательное переформатирование экономической системы под стандарты ЕС и МВФ. Квинтэссенцией политики европеизации стало подписание в 2014 г. соглашения по ассоциативному членству Украины в ЕС, которое, по мнению Киева, может обеспечить ускоренное экономическое и технологическое развитие страны, способствовать росту уровня жизни.

По прошествии шести лет, несмотря на рост валовых экономических показателей, Украина не приблизилась к заявленным целям. Экономика Украины остается в состоянии кризиса, который уже вышел за рамки национального государства и превратился в фактор риска для стран ЕС и России, оказывает негативное влияние на их экономические отношения, в том числе из-за конфликта по транзиту российского газа [Пархитько, Ли Линцзя, 2020].

Проблема в том, что ограниченный формат взаимодействия Украины с ЕС лишь создает регулируемый квотами преференциальный доступ украинской продукции на европейский рынок, но не дает возможности полноценного интегрирования в европейскую систему экономических отношений. В частности, он не предусматривает промышленной кооперации, а также предоставления доступа к новым технологиям (или хотя бы к технологиям, допускающим требуемый по евростандартам уровень конкурентоспособности производимой продукции), не предполагает включения Украины в европейские программы финансовой поддержки и развития реального сектора, в отличие, например, от стран Балтии [Воронов, 2014].

В результате украинская экономика вместо ожидаемой синергии от евроинтеграции получила обратный эффект дивергенции, который выражается в технологической (промышленной) деградации, вымывании из страны сырьевых ресурсов (металлов, продукции сельского хозяйства), ускорении расслоения общества по уровню доходов, усилении миграционного оттока населения. Все эти проблемы усугубляются в результате реализуемой Киевом политики замещения механизмов конкуренции и критериев экономической целесообразности ограничениями и ростом

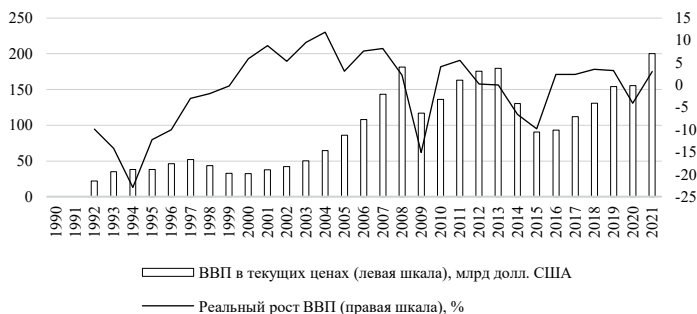
фискального бремени, исходя из политических предпочтений правящих элит. Переход экономики страны на евростандарты качества в условиях сохраняющейся мобилизационной модели, свойственной для военного времени, привел к формированию инвестиционной и институциональной ловушек, которые лишь усилились в период пандемии коронавируса.

Можно ли надеяться на помощь ЕС в преодолении негативных тенденций? На наш взгляд, – вряд ли. Разразившийся в Европе кризис, в том числе обусловленный конфронтацией с Россией по «украинскому вопросу», привел к существенному пересмотру стратегий поддержки новых партнеров и, соответственно, эффектов, получаемых от интеграции [Мигранян, 2020]. Украине предоставлена уникальная возможность самостоятельно преодолевать кризис в своей экономике, формируя такие способы и подходы, которые полностью отвечали бы высоким европейским стандартам по качеству продукции, обеспечению экономических свобод, открытости и конкурентности внутреннего рынка, и все это в условиях жесткого дефицита ресурсов (особенно финансовых) и мобилизации сил и средств для решения военно-политического конфликта на востоке страны.

Особенности экономической модели Украины: потенциал и риски

Реализуемая на Украине экономическая модель представляет собой переход от индустриально-аграрной к аграрно-сервисной отраслевой структуре, от промышленного экспорта к сырьевому. Она характеризуется крайне неустойчивым циклическим характером развития, множеством институциональных противоречий, предопределяющих низкую эффективность макрорегуляторов (особенно фискальных инструментов), хронической деградацией промышленного производства, зависимостью от внешних связей (прежде всего, в энергетической и финансовой сферах).

Динамика ВВП Украины в исследуемые 30 лет отличалась крайней нестабильностью, когда периоды спада (роста) совпадали с основными политико-экономическими циклами (рис. 1).

Источник рис. 1–3. Составлено автором по данным МВФ. World Economic Outlook (october 2021). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/>

Рис. 1. Показатели ВВП Украины в 1990–2021 гг.

Первый кризис 1990–1995 гг., самый глубокий (потери ВВП до 40% от уровня 1990 г.), имел трансформационный характер и был обусловлен формированием новой рыночной модели экономики с соответствующим переформатированием системы управления, выстраиванием новых хозяйственных отношений после разрыва кооперационных связей периода социализма. Следующие кризисы в большей степени были вызваны влиянием внутривластных процессов (за исключением кризиса 2008 г., который был частью общемирового).

Далее по значимости идут факторы волатильности украинской экономики – ее высокая зависимость от уровня мировых цен на металлы, энергетические ресурсы и сельскохозяйственную продукцию, а также высокий уровень инфляции. Особенно сильным и разрушительным для национальной экономики стал кризис 2014–2015 гг., приведший к двукратному падению стоимостного объема ВВП (51% от уровня 2013 г.).

Основным фактором экономического роста остается рост цен, что отражается в динамике дефлятора ВВП: его значение выросло с 3% в 1995 г. до 53% в 2013 г. и 168% – в 2020 г. При этом показатели инфляции в официальной статистике выглядят гораздо скромнее (максимальные темпы роста инфляции зафиксированы в 2008 г. – 25% и в 2015 г. – 46%), и соответственно, рост значений ВВП в постоянных ценах оказывается существенно ниже показателей номинального прироста (рис. 2).

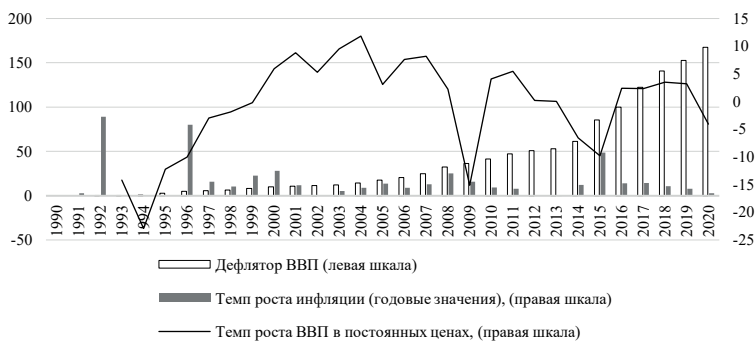

Рис. 2. Показатели инфляции и темпов роста ВВП Украины в 1990–2021 гг., %

Инфляционный рост обуславливает хроническое сокращение экономической базы страны: каждый последующий восстановительный период после очередного кризиса, несмотря на высокие значения валовых (стоимостных) показателей, не обеспечивает достижение докризисного уровня экономического потенциала. Так, в 2018 г. ВВП Украины составил лишь 72% от уровня 1992 г. и 89% от ВВП 2013 г. (в ценах 1992 г.). Кризис 2020 г., по данным официальной статистики Украины, оказал наименьший разрушительный эффект – лишь 4,1% сокращения реального ВВП по сравнению с 2019 г., но не позволил преодолеть уровень 1992 г.⁷

Этот инфляционный рост в течение всего периода исследования опирается главным образом на внешние источники. Это прежде всего доходы от экспорта товаров и от транзита газа (экспорт услуг, также с учетом ценового фактора). Третий фактор инфляционного роста – потребление домохозяйств (обеспечивается ростом стоимости импорта и тарифов по всем видам услуг, особенно – коммунальным платежам).

Следовательно, экономическую модель Украины можно охарактеризовать как *систему экстенсивного воспроизводства, основанную на ускоренном росте дефлятора (ценового фактора) и внешнего сектора экономики*. Проблема усугубляется тем, что в течение 2014–2021 гг. экономика страны потеряла существенную

⁷ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

долю несырьевого экспорта из-за сокращения промышленного сектора, что привело к потере собственных инвестиционных ресурсов и полной зависимости от внешних заимствований. Развитие сервисных отраслей локального значения не способно заместить потери экспорта высокотехнологичной промышленной продукции [Малышко и др., 2021].

В период интенсивной евроинтеграции (после 2014 г.) наблюдается постоянное снижение темпов поступления прямых инвестиций от роста в 11% в 2013 г. до сокращения на 10–13% в годовом исчислении в 2019–2020 гг. При этом уровень валовых инвестиций в экономику сократился с 20% от ВВП в 2000 г. (в период кризиса в 2008 г. он составил 27%) до 7% в 2020 г. Объем валовых сбережений национальной экономики к ВВП сократился с 23% в 2000 г. до 11,3% в 2020 г.⁸ (рис. 3).

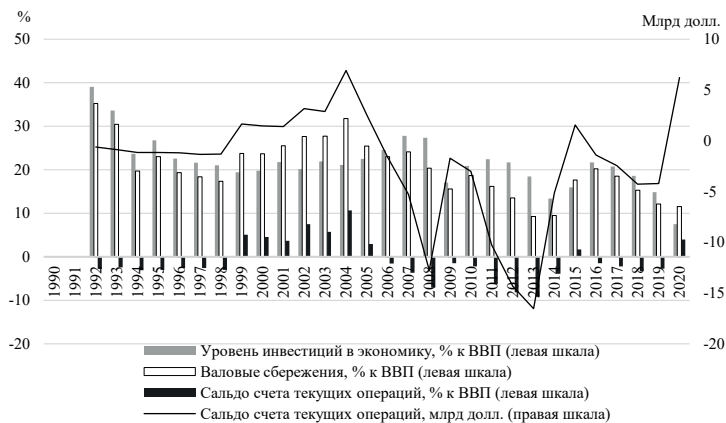

Рис. 3. Показатели инфляции и темпов роста ВВП Украины в 1990–2021 гг.

Несколько улучшилась ситуация по платежному балансу: благодаря сокращению импорта энергоресурсов из-за закрытия основных промышленных потребителей сальдо счета текущих операций стало положительным и достигло 4% от уровня ВВП, что могло бы расцениваться как положительный эффект развития, если бы не рост внешнего долгового бремени [Кривогуз, 2018].

⁸ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

За период с 2014 по 2018 г. наблюдался самый высокий темп роста внешнего долга Украины (с 65,51 до 78,32 млрд долл. соответственно по годам), или на 32,8%, что составило 79,5% от уровня ВВП (для сравнения: в 2013 г. внешний долг составлял 40,5% к ВВП). В 2020 г. показатели внешнего долга снизились до 60,7%, что по-прежнему остается в зоне технического дефолта экономики⁹.

Проблема внешнего долга Украины непосредственно связана с программой экономических реформ, которые были приняты в качестве обязательств по условиям ассоциативного соглашения с ЕС, подписанного в 2014 г. Финансирование (кредитование) реформ осуществляется преимущественно МВФ и другими международными кредитными организациями. Они же определяют их содержание, точнее, требования по направлениям и формам либерализации украинской экономики. Реформы предполагают кардинальные преобразования институциональной системы, что в корне разрушает систему макрорегулирования, введение рыночных принципов формирования тарифов на социально значимые услуги ЖКХ, энерго- и теплообеспечения населения, что подрывает систему социальной поддержки, переход на евростандарты качества продукции, что фактически привело к уничтожению машиностроения, авиастроения и перерабатывающей промышленности. При этом переход к политике открытого рынка для продукции оставшихся производителей привел к полному замещению национальных товаров импортом в силу их низкой конкурентоспособности [Бурлай, 2018].

Борьба с коррупцией в Украине превратилась в элемент политической люстрации, а реформы в социальной сфере (прежде всего – пенсионная реформа, заморозившая доходы населения старшей возрастной группы, что в условиях высокой инфляции быстро привело к его обнищанию) обрушили уровень жизни. Либерализация цен на энергоносители в свою очередь способствовала не только снижению реальных доходов населения, но и банкротству большинства промышленных предприятий.

Но главным шоком для украинской промышленности стала имплементация евростандартов в сфере оценки качества

⁹ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

и сертификации продукции. Именно выполнение требований по внедрению европейских стандартов обусловило тотальное сокращение промышленного сектора в структуре экономики Украины (с 23% в 2013 г. до 10,3% в 2020 г.) и лишило ее экспортного потенциала, снизив долю продукции промышленности в экспорте с 28,9% в 2011 г. (это был максимум за всю постсоветскую историю) до 7,7% в 2018 г.

Помимо очевидной неэффективности этих преобразований, они порождают дополнительные риски, связанные с источниками финансирования. На долю МВФ, МБРР, ЕС и США приходится 80% всего внешнего государственного долга Украины. В 2015 г. с ними было подписано соглашение о реструктуризации задолженности, которое стало инвестиционной ловушкой для Украины. По условиям соглашения были списаны 26% долга, оставшиеся платежи продлены до 2021–2025 гг. с обязательным условием своевременного текущего обслуживания всех долгов и сохранения годового уровня роста ВВП не более 3%.

Влияние ловушки привело к следующим последствиям: практически все поступления от внешних кредиторов направляются на погашение старых долгов, что увеличивает долговую нагрузку и лишает возможности использовать заимствования для развития экономики. В свою очередь ограничение темпов экономического роста не позволяет Киеву реализовать инвестиционно привлекательные проекты по созданию высокотехнологичных конкурентоспособных производств.

Логика навязанных западными консультантами реформ и «инвестиционной ловушки» обуславливает рост налогов, снижение социальных расходов государственного бюджета и приводит к формированию «ловушки бедности», так как высокая налоговая нагрузка (к концу 2020 г. – около 23% от совокупных доходов граждан) при высокой инфляции не позволяет населению выйти за границы бедности, вынуждает его влезать в долги.

Курс на евроинтеграцию и разрыв отношений с Россией пагубно отразился на внешней торговле Украины. В 2011 г. украинский экспорт составлял 81 млрд долл., в 2015 г. – 47,9, а в 2020 г. – 60,7 млрд долл., импорт, соответственно, 92 млрд долл., 36,6 и 54,2 млрд долл. Сокращение внешнеторгового оборота связано в первую очередь с падением взаимной торговли с РФ в 2014 г. В 2013 г. она составила 39,6 млрд долл.,

в 2020 г. – 9,92 млрд долл. Такой провал невозможно компенсировать наращиванием объемов торговли с ЕС и другими странами, с которыми уровень комплементарности в системе экономических связей заведомо ниже, чем с РФ. При этом сокращение торговли в основном произошло за счет снижения экспорта машиностроительной продукции из Украины в Россию (с 23,4 млрд долл. в 2013 г. до 6,3 млрд долл. в 2020 г.) и импорта из России энергоресурсов (с 15,8 млрд долл. до 3,6 млрд долл. за тот же период)¹⁰. Несмотря на то, что Россия до сих пор остается третьим по значимости внешнеторговым партнером Украины, суммарное снижение внешнеторгового оборота не обеспечивает Украине экспортную выручку, достаточную для формирования финансовой и инвестиционной базы развития экономики.

Таким образом, современная экономическая модель Украины основана на развитии *отраслей локального значения*, продукция которых предназначена для удовлетворения потребностей внутри экономики и создания рабочих мест: услуг по обслуживанию населения, транспорта, связи, финансового сектора и т.п., экспорт формируется за счет вывоза металлов и изделий из них, зерна и жиров растительного и животного происхождения, а внутренний спрос поддерживается за счет наращивания государственных расходов, так как доходы домохозяйств неуклонно снижаются. Госрасходы растут главным образом за счет программ по поддержке инфраструктуры, финансируемых в рамках выделяемых кредитных линий ЕС и МВФ.

В 2021 г. после коронакризиса были предприняты меры поддержки населения с целью стимулирования внутреннего спроса и снижения социальной напряженности, рост ВВП составил разрешенные 3%. Драйверами роста стали увеличение внутреннего потребления (на фоне почти двукратного роста МРОТ, роста на 15% номинальных доходов населения и высоких темпов инфляции) и рекордный урожай зерновых, обеспечивший рост экспортной выручки.

Основным источником восстановительного роста остается инфляция (в 2020 г. – 5%, а в 2021 г. ИПЦ достиг 11% – постмайданный рекорд). Политика дешёвых денег, стимулирующая

¹⁰ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

рост потребительского кредитования, способствует разгону покупательского спроса внутри экономики. Однако высокая учетная ставка (8,5%) не позволит и дальше накачивать экономику дешёвыми деньгами, а альтернативы инфляционному таргетированию нет. К тому же, как отмечалось выше, такой подход фактически съедает реальный экономический рост, что создает условия для стагфляции.

Рост промышленности по итогам 2021 г. составил 1,4% в стоимостном выражении, а по физическому объёму сократился; сохраняется высокий уровень рисков пандемии коронавируса из-за недостаточной доли вакцинации населения, что может привести к обвалу деловой активности.

Разгону инфляции способствует высокий уровень спотовых цен на «еврогаз», приобретаемый по реверсу, он же обуславливает и рост бедности населения; и, наконец, ситуация открытой подготовки к военным провокациям существенно повышает экономические риски Украины, хотя и позволяет усилить сплоченность населения перед лицом внешней угрозы и снизить градус недовольства из-за падения уровня жизни.

Для преодоления сложной экономической ситуации и выхода из множества «ловушек», в которые загнала себя Украина, необходимы существенные инвестиционные вливания и включение украинских производителей в международные производственные цепочки, что позволило бы реанимировать промышленный сектор. Однако такой план не отвечает стратегии и интересам партнеров Украины по ЕС, особенно в ситуации постпандемийного кризиса в этих странах. Поэтому наиболее вероятным сценарием развития для страны будет поддержание жизнедеятельности действующей модели с целью сохранения рынков сбыта, доступа к ресурсной базе, и самое главное, сохранения геополитической напряженности для России.

Литература

Бурлай Т.В. Риски формирования ловушки дивергентности в процессе евроинтеграции Украины // Экономическая теория. 2018. № 3. С. 99–119.

Вардомский Л.Б. Состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины в контексте их идентичности // Россия и мир в XXI веке. 2018. № 3. С. 103–117.

Воронов В. В. Конвергенция регионов Европейского союза: особенности и оценка // Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз. 2014. № 6(36). С. 85–99.

Григорьев Л. М., Азибалов С., Салихов М. Украина: раздвоение трансформации // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 125–147.

Григорьев Л. М., Буряк Е. В., Голяшев А. В. Второй старт трансформации украинской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 30–52. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-9-30-52>

Грицаенко О. Украинский кризис: взгляд изнутри // *Russie.Nei.Visions*. 2014. № 78. С. 18–34.

Жильцов С. С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский // Постсоветские исследования. 2021. № 4(3). С. 189–198.

Кондорский Б. М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1,2. С. 54–81. DOI: 10.30884/iis/2021.01.03

Кривогуз М. И. Иностранные спонсоры украинской экономики // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2 (39). С. 154–164.

Кутафин Д. О. К вопросу о российско-украинском газовом конфликте // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2169–2174

Кынев А. В. Эффекты «Майдана»: политическая система Украины после кризиса 2004 г. // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 63–71.

Малышко В. В., Евтушенко Н. М., Городниченко Ю. В. Анализ государственного долга Украины // Экономический вестник университета. 2021. № 44. С. 187–194. DOI: <https://doi.org/10.31470/2306-546X-2020-44-187-195>

Миграня А. А. Экономика Украины // Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации / Под ред. чл.-кор. Р. И. Хасбулатова. Т. 2. М.: Вече, 2017. С. 419–470. ISBN: 978-5-4444-6001-6

Миграня А. А. Экономика Украины: влияние евроинтеграции и торгового эмбарго с Россией // Вестник ИЭ РАН. 2020. № 2. С. 168–180. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10023

Мироненко В. Украина, quo vadis? Тридцать лет. Итоги и уроки // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 4. С. 88–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420218895>

Пархитько Н. П., Ли Линцзя. Современная Украина: экономический обзор // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 64–68.

Семенов М. Е. Подходы президентов П. Порошенко и В. Зеленского к урегулированию конфликта в Донбассе: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 250–270. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-13

Симония Н. А., Торкунов А. В. Влияние геополитических факторов на состояние международных энергетических рынков (на примере США) // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 38–48.

Симония Н. А., Торкунов А. В. Энергобезопасность ЕС и России // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 9–19.

Хаген М. Имеет ли Украина историю? // *Ab imperio*. 2000. № 1. С. 51–72.

Motyl A. J. Viacheslav Lypin'skyi And Politics of Ukrainian Monarchism. *Canadian Slavonic Papers*. 1985. Pp. 31–48.

Статья поступила 03.02.2022

Статья принята к публикации 07.02.2022

Для цитирования: Мигранян А. А. Украинский выбор: 30 лет спустя // ЭКО. 2022. № 3. С. 41–61. DOI: 10.30680/ЕCO0131-7652-2022-3-41-61

Summary

Migranyan, A.A., Doct.Sci.(Econ.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The Ukrainian Choice: 30 Years Later

Abstract. The paper examines the problem of socio-cultural self-determination of Ukraine, the ideological and political peculiarities of the formation of the Ukrainian foreign strategy, as well as economic processes, the nature of development and the specificity of the economic model of the country. The author assesses the effects of European integration, the results of the impact of reforms after 2014, economic cycles and the model of the economy, formed under the conditions of instability in foreign markets and geopolitical confrontation with the former trading partners.

Keywords: *Ukrainian identity; socio-cultural approaches; European integration; specificity of Ukrainian economy; economic reforms*

References

- Burlai, T.V. (2018). Risks of forming a trap of divergence in the process of European integration of Ukraine. *Economic theory*. No. 3: 99–119 (In Russ.).
- Grigoriev, L.M., Buryak, E.V., Golyashev, A.V. (2014). The second start of the transformation of the Ukrainian economy. *Economic issues*. No.9. Pp.30–52. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-9-30-52> (In Russ.).
- Grigoryev, L.M., Agibalov, S., Salikhov, M. (2009). Ukraine: bifurcation of transformation. *Economic issues*. No. 3. Pp.125–147. (In Russ.).
- Gritsayenko, O. (2014). Ukrainian crisis: a look from the inside. *Russians. Nei. Visions*. No.78. Pp.18–34. (In Russ.).
- Hagen, M. (2000). Does Ukraine have a history? *Ab imperio*. No.1. Pp. 51–72. (In Russ.).
- Kondorsky, B. M. (2021). To the question of the history of statehood of Ukraine. *History and modernity*. No. 1, 2. Pp. 54–81. (In Russ.) DOI: 10.30884/iis/2021.01.03
- KrivoGuz, M.I. (2018). Foreign sponsors of the Ukrainian economy. *Russia and the new states of Eurasia*. No. 2 (39). Pp. 154–164. (In Russ.).
- Kutafin, D.O. (2014). On the issue of the Russian-Ukrainian gas conflict//Topical problems of Russian law. No. 10 (47). Pp.2169–2174. (In Russ.).
- Kynev, A.V. (2005). The effects of Maidan: the political system of Ukraine after the 2004 crisis. *Policy. Political research*. No. 1. Pp. 63–71. (In Russ.).
- Malysenko, V.V., Yevtushenko, N. M., Gorodnichenko, Yu. V. (2021). Analysis of state debt of Ukraine. *University Economic Bulletin*. No. 44. Pp.187–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31470/2306-546X-2020-44-187-195>
- Migranyan, A.A. (2017). Economics Ukrainians. Economics and politics post-socialist states: transformation. Moscow. Veche Publ. T.2. Pp. 419–470. ISBN: 978-5-4444-6001-6 (In Russ.).

Migranyan, A.A. (2020). Economics Ukrainians: Lords of European Integration and Trade Embargo s Rossiei. *Bulletin IE RAN*. No. 2. Pp.168–180. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073–6487–2020–10023

Mironenko, V. (2021). Ukraine, rude vadis? Tridzat is years old. Itogi i uroki. *Scientific and Analytical Bulletin IE RAN*. No. 4. Pp. 88–95. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420218895>

Motyl, A. J.(1985). *Viacheslav Lypin'skyi And Politics of Ukrainian Monarchism*. Canadian Slavonic Papers. P. 31–48.

Parhit'ko, N.P., Li, Linjia. (2020). Modern Ukraine: Economic Overview. *Innovation and Investment*. No. 4. Pp. 64–68. (In Russ.).

Semenov, M.E. (2021). The Approaches of Presidents P. Poroshenko and V. Zelensky to the Settlement of the Conflict in the Donbass: Comparative Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 14. No. 1. Pp. 250–270. (In Russ). DOI: 10.23932/2542–0240–2021–14–1–13

Simonia, N.A., Torkunov, A.V. (2014). Energy security of the EU and Russia. *Policy. Political research*. No. 5. Pp. 9–19. (In Russ.).

Simonia, N.A., Torkunov, A.V. (2016). The influence of geopolitical factors on the state of international energy markets (using the example of the USA). *Policy. Political research*. No. 2. Pp. 38–48. (In Russ.).

Vardomsky, L.B. (2018). The state and prospects of mutual economic relations between Belarus, Russia and Ukraine in the context of their identity. *Russia and the world in the 21st century*. No.3. Pp. 103–117. (In Russ.).

Voronov, V.V. (2014). Convergence of regions of the European Union: features and assessment. *Economic and social changes: facts trends, forecast*. No.6(36). Pp. 85–99. (In Russ.).

Zhiltsov, S. S. (2021). Ukraine's foreign policy: where is V. Zelensky leading the country. *Post-Soviet Studies*. No. 4(3). Pp.189–198. (In Russ.).

For citation: Migranyan, A. A. (2022). The Ukrainian Choice: 30 Years Later. *ECO*. No. 3. Pp. 41–61. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-41-61